

Наполеонъ на островъ св. Елены ¹⁾).

Въ исходѣ 1816 года, послѣ того, какъ нѣкоторыя, близкія къ Наполеону лица, съ которыми онъ любилъ бесѣдовать и проводить время, уѣхали въ Европу, его самочувствіе рѣзко измѣнилось, онъ упалъ духомъ, сталъ хандрить и недомогать. Желая чѣмъ-нибудь выразить свой протестъ противъ стѣсненій и ограниченій, коимъ губернаторъ подвергалъ не только его, но и всѣхъ французовъ, Императоръ замкнулся въ четырехъ стѣнахъ, пересталъ гулять и ѣздить верхомъ.

Когда врачъ убѣждалъ его дѣлать движеніе, доказывая, что при его темпераментѣ это необходимо, — „вы правы, отвѣчалъ Наполеонъ, сколько я себя помню, движеніе всегда было для меня необходимо; я каждый день работаю головою, читаю, пишу, размышляю; я бы и гулялъ на этомъ островѣ, если бы я не находился въ рукахъ убійцы, но при теперешней системѣ это невозможно“, и онъ категорически отказывался выходить, пока стѣснительныя правила не будутъ отмѣнены.

Послѣдствія перемѣны, происшедшей въ образѣ жизни Наполеона, сказались очень скоро: у него появились головныя боли, стали пухнуть ноги, онъ сдѣлался чувствителенъ къ малѣйшей перемѣнѣ температуры: малѣйшій холодъ или вѣтеръ вызывали у

¹⁾ См. „Рус. Старину“, апрѣль 1912 г.

O'Meara. Napoléon en exil ou l' écho de S-te Hélène. Bruxelles, 1824.

Frédéric Masson. Autour de Sainte Hélène. Paris 1909.

Изъ бумагъ графа де Бальмена „Русскій Архивъ“ 1868—1869 г.

него ревматическія боли; появилась бессонница; онъ вставалъ ночью и подолгу расхаживалъ взадъ и впередъ по билліардному залу, предаваясь горестнымъ размышленіямъ.

— Отчего же онъ не выходитъ? Отчего онъ не ѣздитъ верхомъ?— спрашивалъ у приближенныхъ къ Наполеону генерала Гурго и Монтолона русскій комиссаръ, узнавъ о болѣзненномъ состояніи Императора.

— Всякій разъ когда мы, или Бертранъ, или другіе станутъ ему говорить объ этомъ, отвѣчалъ Гурго, онъ возражаетъ съ гнѣвомъ:

„Оставьте меня въ покоѣ, меня хотятъ уморить; пускай мрутъ! лишь бы все кончилось!“

На предложеніе пригласить для консультаціи другого врача, онъ отвѣчалъ: „это бесполезно, хотя бы сюда съѣхались всѣ врачи Франціи и Англіи, они сказали бы то же самое; они предписали бы мнѣ ѣздить верхомъ; я знаю не хуже любого врача, что мнѣ необходимо движеніе“.

Когда врачъ угрожалъ ему печальнымъ исходомъ, Наполеонъ отвѣчалъ: „по крайней мѣрѣ у меня будетъ утѣшеніе, что моя смерть покроетъ позоромъ англійскій народъ, который послалъ меня въ этотъ климатъ, чтобы я умеръ тутъ отъ руки этого палача“.

Единственно, въ чемъ больной находилъ удовольствіе и облегченіе, были горячія ванны, въ цѣлебное дѣйствіе которыхъ онъ вѣрилъ. Но и въ этомъ ему приходилось терпѣть лишенія: въ Лонгвудѣ часто бывалъ недостатокъ воды, и больному приходилось оставаться безъ ванны. На жалобы доктора О'Меара Гудсовъ Лоу ограничивался насмѣшливымъ замѣчаніемъ, что „онъ не зналъ, что генералу Бонапарту необходимо вариться по нѣсколько часовъ въ горячей водѣ въ то время, какъ остальные не имѣютъ воды для приготовленія пищи“.

Неизвѣстно, какимъ путемъ Наполеонъ узналъ, что губернаторы и комиссары союзныхъ державъ получаютъ оффиціальныя бюллетени о его здоровьѣ, и положительно запретилъ доктору О'Меара посылать ихъ, прибавивъ, что иначе отошлетъ его, если онъ впредь пошлетъ какой бы то ни было бюллетень, не представивъ ему для просмотра и провѣрки оригиналъ; а затѣмъ оригиналъ долженъ оставаться въ Лонгвудѣ. Бонапартъ въ то же время сдѣлалъ выговоръ доктору за то, что въ своихъ бюллетеняхъ онъ называлъ его генераломъ, говоря, что „это поношеніе, и очень на него разсердился“.

„Какое имѣли вы представленіе обо мнѣ до того, что стали моимъ врачомъ? спросилъ однажды Наполеонъ доктора О'Меара. Что вы думали о моемъ характерѣ и на что считали меня способнымъ? Скажите откровенно, какого вы были обо мнѣ мнѣнія?“

— Я считалъ васъ человѣкомъ талантливымъ, высоко одареннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне честолюбивымъ. Хотя я не вѣрилъ и десятой долѣ того, что говорятъ о васъ въ пасквиляхъ, которые мнѣ довелось читать, однако я считалъ васъ способнымъ совершить преступленіе, если бы этого потребовали ваши интересы.

„Я такъ и ожидалъ, что вы это скажете, возразилъ Наполеонъ, то же думаетъ вѣроятно большинство французовъ; я достигъ слишкомъ большой славы, слишкомъ большого могущества, чтобы не возбудить людской зависти. Про меня говорятъ: онъ достигъ славы, но онъ достигъ ее путемъ преступленія. Суть въ томъ, что я не только не совершилъ преступленія, но я былъ всегда фаталистъ и презиралъ людей, слѣдовательно, мнѣ не было надобности идти на преступленіе. Я не былъ бы здѣсь, если бы я не гнушался преступленій. Какъ вы думаете, остался ли бы во Франціи хотя бы одинъ Бурбонъ, если бы я далъ согласіе покончить съ нимъ?“

„Союзники внесли Бурбоновъ на своихъ плечахъ во Францію“, сказалъ однажды Наполеонъ, разговаривая о томъ, о другомъ съ адмираломъ Малькольмомъ, который иногда навѣщалъ его; „но они тамъ не удержатся, я одинъ умѣлъ управлять французами и возвращать ихъ къ порядку“.

— Вы водили ихъ къ побѣдамъ, отвѣчалъ адмиралъ, но не на томъ основано благоденствіе государства, особенно въ настоящее время.

„Всему есть конецъ, возразилъ Наполеонъ, улыбаясь. Я не хотѣлъ бы болѣе воевать. Если бы я сталъ опять царствовать, я бы не тронулся съ мѣста“.

„Я не боюсь за свою славу; когда правда станетъ извѣстна, когда будетъ взвѣшено сдѣланное мною добро и сдѣланныя мною ошибки, потомство отдастъ мнѣ должное. Если бы всѣ мои планы увѣнчались успѣхомъ, я сошелъ бы въ могилу со славою великаго человѣка. Моя жизненная карьера единственная въ своемъ родѣ, такъ какъ она не основана на преступленіи. Я участвовалъ въ пятидесяти сраженіяхъ, и почти всѣ они выиграны мною, я издалъ кодексъ законовъ, съ которыми мое имя перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Выйдя изъ ничтожества, я сталъ, благодаря своимъ собственнымъ силамъ, самымъ могущественнымъ монархомъ въ мірѣ. Европа была у моихъ ногъ. Честолюбіе у меня было огромное, это вѣрно; но оно оправдывалось событіями и любовью ко мнѣ народа. При мнѣ, императорское правительство походило на республиканское; призванный стать во главѣ народа, я всегда держался правила давать ходъ талантамъ, не обращая вниманія на происхожденіе“.

„Я думаю, сказалъ однажды Наполеонъ, что, по возвращеніи въ Англію, вы напишете обо мнѣ книгу. Вы въ правѣ будете сказать, что я много говорилъ вамъ о себѣ, что вы подолгу бесѣдовали со мной. Вамъ повѣрятъ. Ни одинъ изъ французскихъ врачей не былъ такъ близокъ ко мнѣ, какъ вы. Я видѣлъ ихъ обыкновенно только нѣсколько минутъ. Люди любопытны, ихъ интересуютъ малѣйшія подробности изъ жизни того, кто игралъ видную роль; они хотятъ знать, что человекъ ѣстъ, что онъ пьетъ, когда встаетъ; какія у него привычки; эти мелочи интересуютъ людей гораздо болѣе, нежели свойства и характеръ человека. *Что касается меня, я хочу одного—чтобы обо мнѣ сказали правду*“.

Наполеонъ такъ привыкъ къ пасквилямъ, что онъ мало интересовался клеветою, которую о немъ распространяли въ печати.

„Въ Англіи едва-ли повѣрятъ, говорилъ онъ, что эти пасквили не только не возбуждаютъ во мнѣ гнѣва, но что я не могу ихъ читать безъ смѣха. Они принесли мнѣ во Франціи больше пользы, нежели вреда. Они возстановили народъ противъ этихъ писаекъ и противъ Бурбоновъ, которые имъ платили. Ни одно изъ этихъ сочиненій не заслуживаетъ возраженія, они такъ нелѣпы и полны столь грубой лжи, что на каждой страницѣ можно написать: ложь! ложь! иного отвѣта они не заслуживаютъ“.

Наполеонъ часто читалъ Новый Заветъ и на замѣчанія доктора, что многіе не повѣрятъ этому, считая его невѣрующимъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь:

„А между тѣмъ это неправда, я вовсе не атеистъ. Въ человѣкѣ есть стремленіе къ чудесному, и гораздо лучше, чтобы этой потребности удовлетворяла религія, нежели фокусы дѣвицы Ленорманъ“.

Помимо своей біографіи Наполеонъ занимался составленіемъ замѣтокъ на сочиненія Фридриха Великаго—своего любимаго героя—и говорилъ, что когда рукопись будетъ окончена, то изъ нея выйдетъ отъ пяти до шести томовъ или 8-и, и что замѣтки эти будутъ военнаго характера.

„Я видѣлъ нѣсколько страницъ этой рукописи, говоритъ О' Меара: она была написана гораздо болѣе четко, нежели онъ писалъ обыкновенно. Наполеонъ говорилъ мнѣ, что раньше онъ имѣлъ обыкновеніе выписывать только полъ или три четверти слова, но его секретари такъ привыкли къ этому способу писанья, что они читали писанное имъ почти такъ же свободно, какъ если бы все было написано цѣликомъ, но посторонніе ничего не могли разобрать“.

„Англичане утверждаютъ, что я лучше знаю итальянскій языкъ, нежели французскій, говорилъ Наполеонъ, это неправда. Я говорю по-итальянски бѣгло, но неправильно, non parlo toscana; я не могъ

бы написать книгу по-италиански и „не предпочитаю италианскій языкъ французскому“.

„Если бы я жилъ теперь въ Англии, я бы мало кого принималъ и никогда не бесѣдовалъ бы на политическія темы. Здѣсь я говорю о политикѣ именно потому, что я тутъ и что ко мнѣ относятся дурно. Жить спокойно, бесѣдовать иногда съ учеными, читать и закончить мою исторію, наконецъ воспитывать сына—вотъ что было бы моимъ повседневнымъ занятіемъ. Здѣсь отсутствіе книгъ очень затрудняетъ мою работу, и я не могу закончить начатое такъ скоро, какъ бы я хотѣлъ“.

„Знаете, что доставило бы мнѣ наибольшее удовольствіе теперь?“ спросилъ онъ однажды.

— Я хотѣлъ сказать: „уѣхать съ острова“, пишетъ О’Меара, но онъ перебилъ меня: „погулять инкогнито по Лондону и въ другихъ городахъ Англии, пойти съ кѣмъ-нибудь изъ друзей въ ресторанъ, пообѣдать за полгинея или за гинею, послушать, что говорятъ, потолкаться въ толпѣ и услышать свободное мнѣніе людей, услышать, что говорятъ англичане обо мнѣ и о событіяхъ, совершившихся за послѣднія двадцать лѣтъ“.

На замѣчаніе доктора, что онъ услышалъ бы конечно много хорошаго и дурного: „ахъ, что касается дурного, я не обращаю на это вниманія, сказалъ Наполеонъ, я къ этому, слава Богу, привыкъ; къ тому же я увѣренъ, что мнѣніе общества измѣнится; подобное развлеченіе и воспитаніе сына были бы отрадою моей жизни. Лучшимъ временемъ былъ для меня періодъ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Въ то время я также посѣщалъ ресторанчики; я жилъ скудно; помѣщеніе стоило мнѣ около трехъ лундоровъ въ мѣсяцъ. Это были самые счастливые дни моей жизни. Достигнувъ власти, я не испыталъ счастья: у меня было такое множество занятій, что не оставалось времени для досуга, въ которомъ только и есть истинное счастье“.

Можно думать однако, что спокойная частная жизнь не удовлетворила бы уже Наполеона, да онъ и самъ высказывалъ это не разъ.

„Не могу больше жить частнымъ человѣкомъ, говаривалъ онъ, лучше быть узникомъ здѣсь, чѣмъ свободнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ“. И по свидѣтельству приближенныхъ, хотя онъ былъ очень несчастенъ на св. Еленѣ, но онъ втайнѣ наслаждался той важностью, которую придавали надзору за нимъ, интересомъ, который въ этомъ принимали всѣ европейскія державы, тщаніемъ, съ которымъ подхватывалось малѣйшее его слово и т. д.

Скука и потребность въ какой-нибудь перемѣнѣ, въ развлеченіи,

заставляли Наполеона часто перемѣнять порядокъ жизни. Онъ то обѣдалъ въ шесть часовъ, не завтракая, вставалъ и ложился иногда ранѣе, иногда позднѣе противъ того, какъ дѣлалъ прежде; потомъ такая перемѣна становилась ему противна, и онъ возвращался къ своимъ старымъ привычкамъ.

Насталъ июль мѣсяцъ 1817 года, а Наполеонъ все еще не видалъ комиссаровъ союзныхъ державъ, присланныхъ на островъ, чтобы наблюдать за нимъ; онъ чрезвычайно желалъ видѣть ихъ; что касается русскаго комиссара, то губернаторъ рѣшительно противился тому, чтобы онъ былъ представленъ Наполеону, не желая, чтобы онъ видѣлъ вещи вблизи, отъ чего могло пострадать національное тщеславіе англичанъ.

Онъ зналъ, что австрійскій и французскій комиссары могли явиться къ нему, какъ частныя лица, и посылалъ своихъ французовъ одного за другимъ приглашать ихъ въ Лонгвудъ. Однажды, Бертранъ, сидя подлѣ баронесы Штюрмеръ, наклонился, какъ бы для того, чтобы поднять платокъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы его никто не слышалъ и сказалъ ей шепотомъ:

„Баронесса! ради Бога повидайтесь съ Императоромъ, умоляю васъ. Онъ ждетъ васъ, говоритъ о васъ безпрестанно, ему нужно общество! Онъ видитъ однихъ англичанъ, а это ужасно скучно“.

Когда же русскій комиссаръ поднялъ вопросъ о неофициальномъ посѣщеніи Лонгвуда, по докладу Бертрана, не испрашивая каждый разъ позволенія губернатора, Гудсонъ-Лоу отвѣчалъ на это рѣшительнымъ отказомъ.

„Узнавъ о томъ, Наполеонъ былъ до такой степени раздраженъ, что никто не смѣлъ къ нему подойти. Онъ провелъ десять дней въ своей комнатѣ, обѣдалъ одинъ, не занимался ничѣмъ и обращался грубо со своей свитою. Гурго болѣе прочихъ терпѣлъ отъ гнѣвныхъ выходокъ, до того, что хотѣлъ прекратить свою жизнь.“

„Императора нельзя узнать, говорилъ онъ Бальмену. Когда онъ былъ во главѣ своихъ армій, тогда мы съ радостію служили ему; въ настоящее время несчастія разстроили его духъ. Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ“, онъ предается иногда совершенной апатіи, не занимается болѣе своей исторіей и проводитъ время въ совершенной праздности. Для него трудно даже обречься“.

Губернаторъ, встревоженный тактикой Наполеона, рѣшилъ сдѣлать французамъ нѣкоторыя льготы и согласился на то, чтобы Бонапартъ выходилъ изъ своей ограды, не будучи сопровождаемъ англійскимъ офицеромъ, но подъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы ему давали знать наканунѣ, въ какое мѣсто онъ намѣренъ отправиться. Дѣло какъ будто наладилось, какъ вдругъ „Бертранъ пред-

ставилъ, что во время адмирала Кокбурна приглашенія и инныя записки Императора къ путешественникамъ, къ военнымъ, къ жителямъ острова отдавались по адресу запечатанными, что никто ихъ не просматривалъ, и потребовалъ, чтобы и этотъ порядокъ былъ восстановленъ. Это снова запутало Лонгвудскія дѣла, ибо губернаторъ безусловно отвергъ это предложеніе, и такъ какъ на этотъ отказъ былъ полученъ рѣзкій отвѣтъ, то онъ потерялъ терпѣніе и погрозилъ Бертрану, что онъ его прогонитъ. Тогда Бонапартъ, раздосадованный и разгнѣванный, объявилъ положительно, что онъ не выйдетъ болѣе изъ своей комнаты, написалъ на оборотѣ послѣдняго письма сэра Гудсона-Лоу приписку, которая положила конецъ этимъ препираніямъ. Приписка гласила:

„Это письмо и письма отъ 26 іюля и 26 октября прошлаго года исполнены лжи. Я, вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, заперся въ моихъ комнатахъ, чтобы оградить себя отъ оскорбленій этого офицера. Теперь мое здоровье ослабѣло; оно не позволяетъ мнѣ болѣе читать такія отвратительныя письма. Болѣе мнѣ ихъ не вручайте. Считаетъ ли себя этотъ офицеръ уполномоченнымъ секретными, изустными инструкціями своего министра, какъ онъ давалъ это понять, или онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію, что можно было бы заключить изъ тщательнаго его притворства, во всякомъ случаѣ не могу обращаться съ нимъ иначе, какъ съ моимъ убійцею. Если бы послали сюда честнаго человѣка, я конечно испыталъ бы нѣсколько менѣе мученій, но за то избѣгли бы многихъ упрековъ отъ Европы и отъ исторіи, которую не обманетъ весь ворохъ нелѣпныхъ писаній этого лукаваго человѣка“.

Это произошло въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1817 года.

Послѣ этого столкновенія Бертранъ снова говорилъ русскому комиссару, что Наполеонъ хотѣлъ бы обратиться къ Императору Александру, и далъ понять ему, что ему охотно поручили бы письмо къ Государю.

„Императоръ гордъ, говорилъ Бертранъ, онъ не унижится до того, чтобы писать принцу-регенту, но если бы представился на то случай, то онъ начертилъ бы картину нашихъ бѣдствій Императору Александру, ибо этого Государя онъ любитъ. Онъ сильно довѣряетъ его заступничеству и признаетъ его высокія качества. Онъ часто повторяетъ: „я сдѣлалъ глупость, что не пошелъ въ Россію, и буду вѣчно въ томъ раскаиваться. Онъ убѣжденъ, что сидѣлъ бы еще на престолѣ, если бы женился на русской Великой Княжнѣ“.

Въ исходѣ 1817 года между губернаторомъ и докторомъ О'Меара возникли несогласія. Гудсонъ-Лоу обвинялъ доктора въ томъ, что

онъ извѣщалъ Наполеона обо всемъ происходящемъ въ городѣ, что онъ разузнавалъ для него новости, что онъ передалъ одному англичанину отъ Бонапарта тайкомъ табакерку и т. п. Онъ потребовалъ у него отчета во всѣхъ его бесѣдахъ съ Наполеономъ, хотѣлъ сдѣлать его своимъ шпиономъ, въ противномъ случаѣ угрожая запретить ему всякія сношенія съ Императоромъ, не относящіяся непосредственно къ его профессіи.

„Вы не можете быть судьей въ томъ, что въ вашихъ бесѣдахъ съ генераломъ Бонапартомъ имѣетъ значеніе, говорилъ губернаторъ, то, что можетъ казаться вамъ незначащимъ, можетъ имѣть для меня величайшее значеніе“.

Наскучивъ этими требованіями и привязчивостью губернатора, докторъ пересталъ являться къ губернатору въ домъ, прекратилъ съ нимъ сношенія и пересталъ извѣщать его о томъ, что происходитъ въ Лонгвудѣ. Губернаторъ потребовалъ у него объясненія и, по своему обыкновенію, употребилъ угрозы. О'Меара въ короткихъ словахъ отвѣчалъ, что онъ медикъ, а не шпионъ.

„Когда губернатору не удалось сдѣлать О'Меара шпиономъ, пишетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній гр. Бальмень, онъ сталъ нещадно преслѣдовать его изъ-за пустяковъ, дѣлалъ ему на всякомъ шагу сцены и непріятности и хотѣлъ, подвергая его грубымъ и унижительнымъ стѣсненіямъ, во всемъ поставить его на одну ногу съ французскими узниками, что и принудило доктора подать въ отставку. Это дѣло произвело на св. Еленѣ большой скандалъ и заставило всѣхъ осуждать губернатора. О'Меара прекратилъ посылку бюллетеней изъ Лонгвуда, заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ видѣть никого изъ своихъ больныхъ.“

Наполеонъ послалъ за нимъ, чтобы проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ.

„Вы покидаете насъ, докторъ, сказалъ онъ. Какая низость лишить меня врача. Коль скоро вы, какъ всякій поручикъ, обязаны подчиняться военной дисциплинѣ, лишены независимости, необходимой для вашей профессіи, благодарю васъ за ваши совѣты, уѣзжайте какъ можно скорѣе изъ этого мрачнаго, преступнаго мѣста. Я умру тутъ безъ всякой помощи; это будетъ позоръ для вашей націи“.

И онъ простился съ докторомъ.

Когда губернатору стало извѣстно о посѣщеніи докторомъ Наполеона, онъ приказалъ подвергнуть его домашнему аресту; тогда комиссары сочли своимъ долгомъ вмѣшаться въ это дѣло и повліять на Гудсонъ-Лоу; они доказывали ему, что такъ какъ Наполеонъ отказывается принять другого врача, то если онъ умретъ въ то

время, какъ О'Меара находится подъ арестомъ, или умретъ на рукахъ врача, навязаннаго ему силой, то въ Англии и въ Европѣ пойдутъ самыя странныя толки, англичанъ обвинять въ томъ, что они его отравили, уморили исподоволь; бонапартисты во Франціи и повсюду поддержать эту клевету, будутъ издавать пасквили, и онъ, Гудсонъ Лоу, во мнѣніи милліоновъ людей прослыветъ его убійцей.

Два дня послѣ этого разговора, губернаторъ возвратилъ О'Меара свободу, продержавъ его подъ арестомъ двадцать семь дней.

Наполеонъ былъ очень доволенъ возвращенію доктора, но прежде нежели изъявить согласіе на то, чтобы онъ занялъ снова при немъ обязанности врача, желая прекратить фабрикацію бюллетеней, онъ попросилъ О'Меара представлять донесенія объ его здоровьи разъ въ недѣлю или чаще, если понадобится, и давать съ него копію губернатору, если онъ потребуетъ.

Оказывается, что во время ареста О'Меара какой-то иностранецъ, временно проживавшій на островѣ, сообщилъ графу Монтолонъ, что комиссары читали въ дневномъ бюллетенѣ отчетъ о состояніи здоровья Наполеона. Монтолонъ, зная, что докторъ не писалъ бюллетеней, потребовалъ объясненія; оказалось, что одно лицо, которое никогда не видѣло Наполеона, писало вымышленные бюллетени, которые посылались комиссарамъ, а тѣ пересылали ихъ своимъ дворамъ.

Въ началѣ 1818 года здоровье Наполеона ухудшилось; онъ сталъ безпокоенъ, тосковалъ; незадолго передъ тѣмъ онъ почувствовалъ впервые боль въ правомъ боку, въ области печени, гдѣ при изслѣдованіи ощущалось какъ бы затверденіе; головныя боли, тошнота, сердцебиеніе, которыми онъ страдалъ, усилились. Несмотря на отвращеніе Наполеона къ лѣкарствамъ, О'Меара удалось усиленными настояніями и просьбами уговорить его принимать ртутный препаратъ—превосходное средство противъ заваловъ въ печени—которое быть можетъ остановило бы развитіе его болѣзни, но единственный врачъ, которому больной довѣрялъ, остался при немъ недолго.

Послѣ описаннаго крупнаго столкновенія съ О'Меара, губернаторъ не прекратилъ своихъ нападокъ на доктора; онъ не могъ помириться съ его независимымъ образомъ дѣйствій. Несмотря на то, что здоровье Наполеона въ это время замѣтно ухудшилось (онъ сталъ тяжелѣе, не могъ ни гулять, ни переходить изъ комнаты въ комнату, и весь іюнь и іюль не выходилъ изъ своей спальни), 25 іюля 1818 г. доктору О'Меара неожиданно было заявлено, что „онъ увольняется отъ мѣста, которое онъ занималъ при генералѣ

Бонапартъ, и что ему воспрепятствуютъ дальнѣйшія сношенія съ обитателями Лонгвуда; одновременно ему было приказано немедленно покинуть Лонгвудъ.

Человѣколюбіе не позволило доктору подчиниться этому варварскому приказанію; увѣренный въ томъ, что Наполеонъ не приметъ никакого врача по указанію Гудсона-Лоу, онъ счелъ долгомъ отправиться къ Императору, какія бы это ни повлекло для него послѣдствія и предписать ему извѣстный режимъ, которому больной долженъ былъ слѣдовать безъ него, а также приготовить лѣкарства, которыя онъ могъ бы употреблять въ отсутствіе врача.

Когда онъ сообщилъ Наполеону о полученномъ имъ приказаніи, Императоръ сказалъ:

„Le crime sera plus vite consommé ¹⁾; по его (Гудсонъ-Лоу) мнѣнію, я и такъ прожилъ слишкомъ долго; ваше министерство поступаетъ очень смѣло; когда папа находился во Франціи, я скорѣе далъ бы руку на отсѣченіе, нежели подписалъ приказъ о высылкѣ его врача“.

Послѣ того какъ О'Меара далъ ему нѣкоторыя указанія относительно его здоровья, Императоръ сказалъ:

„Когда вы будете въ Европѣ, отправьтесь къ моему брату Юсифу и передайте ему мое желаніе, чтобы онъ вручилъ вамъ пакетъ съ частными, конфиденціальными письмами ко мнѣ Императоровъ Александра и Франца, короля прусскаго и другихъ европейскихъ монарховъ, которыя были переданы ему въ Рошфоръ. Обнародуйте ихъ, чтобы покрыть этихъ монарховъ позоромъ (*souvenir de honte*) и показать всему міру, какой почетъ оказывали мнѣ эти вассалы въ то время, какъ они испрашивали у меня милостей или молили меня сохранить ихъ престолы. Когда въ моихъ рукахъ была сила и власть, они добивались моего покровительства и почитали за честь союзъ со мною; *ils léchèrent la poussière de dessous mes pieds* ²⁾. Теперь, когда я состарѣлся, они угнетаютъ меня, они отнимаютъ у меня жену и ребенка“.

„Прошу васъ исполнить это, а если вы услышите, что на меня будутъ клеветать касательно того, что происходило здѣсь, въ то время какъ вы были при мнѣ, и если вы будете въ состояніи сказать: „я видѣлъ все это своими собственными глазами, это ложь“, — опровергните клевету“.

Затѣмъ онъ продиктовалъ графу Бертрану письмо, коимъ просилъ свою супругу Марію-Луизу вѣрить всему, что скажетъ О'Меара,

¹⁾ Преступленіе будетъ скорѣй доведено до конца.

²⁾ Они пресмыкались передо мною.

подписалъ письмо, сдѣлалъ къ нему собственноручную приписку и, обратясь къ доктору, сказалъ, что „эти нѣсколько словъ, коими онъ рекомендовалъ его, будутъ имѣть для нея больше значенія, чѣмъ нѣсколько страницъ in 4° имъ исписанныхъ“; затѣмъ онъ подарилъ доктору великолѣпную табакерку и свою статую и просилъ его, по прїѣздѣ въ Европу, розыскать его родныхъ и передать имъ, что онъ не хотѣлъ бы, чтобы кто-либо изъ нихъ прїѣхалъ на островъ Св. Елены и былъ свидѣтелемъ его бѣдствій и униженій, которыя онъ претерпѣвалъ.

„Передайте имъ, что я питаю къ нимъ по-прежнему самыя теплыя чувства. Передайте моей доброй Луизѣ, моей дорогой матушкѣ и Полинѣ, какъ я ихъ люблю. Если увидите моего сына, поцѣлуйте его за меня; пусть онъ помнитъ, что онъ по рожденію французскій принцъ.

Передайте лэди Голландъ, какъ я благодаренъ ей за ея доброту и какъ глубоко я уважаю ее. Наконецъ, постарайтесь всячески доставить мнѣ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какое воспитаніе получаетъ мой сынъ“.

Затѣмъ Наполеонъ взялъ руку О'Меара, пожалъ ее и, обнявъ его, сказалъ: „прощайте, О'Меара, мы больше не увидимся съ вами, будьте счастливы!“

Письма монарховъ къ Наполеону, которымъ онъ придавалъ огромное значеніе, утрачены для насъ. Историкъ Наполеона, Фридрихъ Массонъ,—на основаніи документовъ, съ которыми онъ ознакомился въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ — говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ этихъ писемъ слѣдующее: „Обнародовать письма монарховъ было послѣднимъ средствомъ, на которое рассчитывалъ Императоръ, чтобы добиться отъ членовъ Священнаго Союза, чтобы съ нимъ обращались лучше, или же чтобы жестоко отомстить имъ, опозоривъ ихъ. Онъ не разъ высказывалъ эту угрозу. Такъ напр. когда на островъ прїѣхали комиссары союзныхъ монарховъ, онъ сказалъ адмиралу Малькольму:

— Кѣмъ они посланы сюда?... ужъ не русскимъ ли Императоромъ, которому я оказалъ столько услугъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира?... *Я храню его письма, которыя это доказываютъ, и которыя будутъ обнародованы мною со временемъ.*

„Поручая выполнить это О'Меара, Наполеонъ какъ бы возлагалъ на него обязанность отомстить за него; эта мысль не покидала его, онъ говорилъ объ этихъ письмахъ за нѣсколько часовъ до своей кончины. Въ инструкціяхъ, оставленныхъ имъ своимъ душеприказчикамъ, онъ говоритъ: „Печатая описаніе моего италіанскаго и египетскаго походовъ и нвыя рукописи, ихъ слѣдуетъ посвятить

моему сыну, равно какъ и письма монарховъ, ежели они будутъ найдены; по всей вѣроятности ихъ удастся добыть изъ архивовъ; къ этому вѣроятно не встрѣтится препятствія, ибо это будетъ лестно для національной гордости“.

Бесѣдуя однажды съ Бертраномъ, Наполеонъ сказалъ: „надобно достать переписку съ монархами и напечатать ее, она должна быть у Юсіфа“, и Бертранъ, сообщая послѣ кончины императора сказанное имъ Юсіфу Бонапарту, писалъ ему 5 октября 1821 г.: „Я полагаю, что переписка съ монархами находится у васъ, поэтому прошу васъ напечатать ее; это желаніе императора, которое онъ высказывалъ давно“.

Императоръ былъ увѣренъ, что и оригиналы писемъ и подлинныя съ нихъ копіи находились у его брата, но Фр. Массонъ говоритъ: „23 іюня 1815 г., уѣзжая изъ Елисейскаго дворца въ Мальмезонъ, Наполеонъ послалъ своему брату, Юсіфу Бонапарту „небольшой ящикъ съ весьма цѣнными бумагами; въ томъ числѣ были копіи писемъ, адресованныхъ ему монархами. На замѣчаніе Юсіфа, что лучше было бы имѣть подлинники, Наполеонъ отвѣтилъ: „они переданы министру, это его право“.

„Дѣйствительно, министръ, герцогъ де Бассано, получилъ въ исходѣ 1815 г. повелѣніе поспѣшно снять копіи съ оригиналовъ этихъ писемъ, хранившихся въ Луврскихъ архивахъ. Наканунѣ отъѣзда Юсіфа, герцогъ лично отвезъ ему пакетъ, сказавъ, что оригиналы писемъ остались въ архивѣ“.

Но, какъ припоминалъ императоръ Наполеонъ, „герцогъ Бассано, во время пребыванія своего въ Мальмезонѣ, привезъ ему письма монарховъ и книгу, въ которую заносились копіи съ его собственныхъ писемъ, а равно портфель, въ которомъ онъ держалъ обыкновенно бумаги, которыя никому не показывалъ“.

Наполеонъ утверждалъ положительно, что всѣ эти документы были отосланы въ Рошфоръ и переданы тамъ, по его приказанію, королю Юсіфу.

Въ этихъ указаніяхъ существуютъ, какъ видимъ, нѣкоторыя противорѣчія относительно того, были ли переданы Юсіфу Бонапарту оригиналы или копіи писемъ; никто изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ передачѣ столь важныхъ бумагъ, не могъ указать совершенно точно, когда, гдѣ и къ кому онѣ были переданы Юсіфу Бонапарту, да и самъ Наполеонъ, обладавшій вообще прекрасной памятью, путался въ этомъ вопросѣ.

„Пріѣхавъ въ Англію, О’Меара поспѣшилъ написать Юсіфу Бонапарту, проживавшему въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ графа де-Survilliers, и сообщилъ ему о желаніи императора.

Существуетъ версія, согласно которой Іосифъ Бонапартъ, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, просилъ свою супругу и своего секретаря Presle сохранить бумаги, оставленныя имъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, уложить ихъ въ ящикъ и отдать его на храненіе лицамъ близкимъ къ семьѣ Бонапартовъ.

„Узнавъ отъ О’Меара о желаніи императора, Іосифъ тотчасъ написалъ своему бывшему секретарю и просилъ его розыскать бумаги, но Прэль, вскрывъ ящикъ, въ который онѣ были положены имъ самимъ, не нашелъ ихъ, и всѣ его старанія розыскать копіи писемъ не увѣнчались успѣхомъ“.

По другой версіи, ящикъ съ копіями писемъ монарховъ и другими важными бумагами былъ присланъ въ отель „Ланжеронъ“, гдѣ проживалъ Іосифъ Бонапартъ, въ улицѣ Faubourg Saint-Honore въ Парижѣ. Ящикъ былъ оставленъ въ надежныхъ рукахъ: въ 1820 г.—замѣтимъ эту дату—онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, прежде нежели быть отосланнымъ по назначенію; но въ моментъ его отсылки изъ Парижа въ Pointe-Breeze, близъ Нью-Йорка, гдѣ проживалъ графъ Сюрвильэ, онъ былъ въ цѣлости. Важные документы, бывшіе въ ящикѣ, были разложены по чемоданамъ среди бѣлья и другихъ вещей, чтобы скрыть ихъ отъ домоистра полиціи. По прибытіи въ Америку все въ чемоданѣ оказалось въ цѣлости, за исключеніемъ кабинетской переписки.

По мнѣнію Фр. Массона правдивѣе первая версія, ибо иначе Іосифъ Бонапартъ не преминулъ бы рассказать объ исчезновеніи изъ чемодановъ документовъ, которымъ, какъ ему было извѣстно, императоръ придавалъ большое значеніе.

Что касается оригиналовъ, то Іосифъ Бонапартъ рѣшительно отрицаетъ, что они были получены имъ.

„У меня неоднократно спрашивали, по порученію Вашего Величества, писалъ онъ Наполеону 9 мая 1820 г., письма, будто бы переданныя мнѣ въ Рошфорѣ. Тутъ очевидно произошла ошибка. Я ничего не получалъ ни въ Рошфорѣ, ни въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, за исключеніемъ двухъ ящиковъ съ бумагами, присланныхъ изъ Парижа. Если Ваше Величество намѣревались передать мнѣ какія-либо письма, то постарайтесь припомнить, кому Вы дали это приказаніе и кому были отданы письма. Мнѣ, къ сожалѣнію, они переданы не были“.

Посылая на другой день это письмо доктору О’Меара, для доставленія его Наполеону, Іосифъ еще разъ подтверждаетъ, что письма не были ему переданы въ Рошфорѣ.

То же подтверждаютъ и другія лица.

Герцогу Бассано было извѣстно, что оригиналы писемъ исчезли изъ архивовъ, но куда они дѣвались, осталось навсегда тайной.

Дальнѣйшая судьба писемъ такова:

„Въ исходѣ 1820 г. баронъ Жомини предложилъ Императору Александру I выкупить собственноручныя письма его къ императору Наполеону, и вслѣдъ затѣмъ, по повелѣнію Александра, началъ о томъ переговоры, отправившись съ этой цѣлью изъ Швейцаріи въ Парижъ.

„Ваше Величество убѣдитесь, писалъ онъ 22 декабря (4 января) 1822 г., что я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы добиться благополучнаго окончанія этого дѣла, и я несказанно счастливъ, что успѣхъ вознаградилъ меня за крупный расходъ, вызванный поѣздкою, ради этого дѣла, изъ Швейцаріи въ Парижъ“.

Жомини былъ только посредникомъ въ этомъ дѣлѣ; главнымъ же дѣйствующимъ лицомъ былъ нѣкто Монье, съ которымъ Жомини сошелся близко во время похода Наполеона въ Россію въ 1812 г., когда Жомини былъ губернаторомъ Вильно, а Монье—начальникомъ полиціи въ Литвѣ. По возвращеніи во Францію въ 1813 г., Монье служилъ въ статсъ-секретаріатѣ и по своему служебному положенію имѣлъ доступъ въ Луврскіе архивы. Будучи спрошенъ, откуда онъ получилъ драгоцѣнные документы, Монье, поставивъ условіемъ, что написанное имъ будетъ показано *только* Императору Александру, сообщилъ слѣдующее:

„Во время отреченія Наполеона, послѣ сраженія при Ватерлоо, въ Елисейскомъ дворцѣ собирали бумаги, которыя императоръ Наполеонъ намѣревался увезти съ собой; другія уничтожали. Въ числѣ первыхъ было полное собраніе писемъ, полученныхъ имъ отъ европейскихъ монарховъ въ 1815 году. Всѣ эти письма были уложены въ шкатулку,—письма каждаго монарха въ отдѣльной связкѣ, вложенной въ два конверта, запечатанные большой и малой кабинетской печатью. Въ шкатулку была положена опись всѣхъ спрятанныхъ въ нее писемъ, съ обозначеніемъ датъ, что было исполнено подъ наблюденіемъ императора. Другіе подлинныя документы были уложены въ другой ящикъ, бѣльшихъ размѣровъ, а прочія бумаги въ нѣсколько портфелей, которые были заперты на ключъ. Обѣ шкатулки и портфели были отправлены одновременно съ Наполеономъ изъ Елисейскаго дворца въ Мальмезонъ, а оттуда посланы въ Рошфоръ.

„Въ 1808 году Монье, по его словамъ, познакомился съ нѣкіемъ Лэнъ, который пользовался довѣріемъ короля Іосифа Бонапарта и ссужалъ его деньгами. Какъ узналъ впоследствии Монье, Іосифъ и по отъѣздѣ изъ Испаніи поддерживалъ сношенія съ Лэнъ и до-

вѣрялъ ему; во время „ста дней“ онъ вызвалъ его въ Парижъ, а во время отъѣзда Іосифа Бонапарта въ Ропфоръ Лэнъ былъ въ Бордо, гдѣ готовилъ все нужное къ отъѣзду бывшего короля въ Соединенные Штаты.

„Осенью 1819 г. Монье узналъ, что лица, у которыхъ оказались въ рукахъ собственноручныя письма монарховъ къ императору Наполеону, собирались обнародовать ихъ; желая выяснитъ, какимъ образомъ они очутились въ ихъ рукахъ и дѣйствительно ли это были подлинныя письма монарховъ, онъ, Монье, написалъ въ Англию по указанному ему адресу, и къ нему, нѣкоторое время спустя, явился англичанинъ съ письмомъ отъ г. Митчеля, зятя умершаго Лэна, о которомъ говорено выше; въ этомъ письмѣ Митчель писалъ, что письма, которыя онъ собирался обнародовать, принадлежали ему и Ленгорну, другому зятю Лэна, женатому на его другой сестрѣ, и что они вынуждены воспользоваться этими письмами, чтобы возмѣстить понесенныя ими огромныя денежныя потери“.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ англичаниномъ Монье убѣдился въ томъ, что было только одно средство помѣшать обнародованію этихъ писемъ, а именно, чтобы европейскіе кабинеты согласились купить ихъ. На совѣтъ Монье предложить ихъ посламъ великихъ державъ англичанинъ заявилъ, что, не имѣя для этого связей въ Англии, онъ проситъ его, Монье, взяться за это дѣло, при условіи, что онъ обязуется не называть его имени.

Монье сообщилъ объ этомъ барону Жомини, и какъ только послѣдній изъявилъ согласіе начать переговоры о выкупѣ писемъ, Монье написалъ Митчелю, который пріѣхалъ на этотъ разъ въ Парижъ вмѣстѣ съ Ленгорномъ. Отъ нихъ Монье узналъ, что они сами не видѣли писемъ, о коихъ велись переговоры, что въ Англию былъ присланъ только списокъ, а запечатанный ящикъ съ письмами остался въ Бордо, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ уложенъ въ Елисейскомъ дворцѣ. По требованію Монье ящикъ былъ присланъ въ Парижъ. При осмотрѣ печати на пакетахъ оказались въ цѣлости.

„Я хотѣлъ отослать пакетъ съ письмами Его Величества, не вскрывая его,—писалъ Монье,—но такъ какъ г. Шредеръ ¹⁾ пожелалъ удостовѣриться въ подлинности бумагъ, то пришлось снять печати“.

Таковъ въ общихъ чертахъ рассказъ Монье. Онъ присовокупилъ, что Митчель и Ленгорнъ даже не видѣли писемъ до тѣхъ поръ, пока они не были переданы барону Жомини, который уплатилъ за нихъ наличными 75 тысячъ франковъ и выдалъ обязательство

¹⁾ Секретарь русскаго посольства.

на 100 тысячъ франковъ, за каковую сумму—175 тысячъ франковъ эти господа согласились, послѣ долгихъ переговоровъ, отдать письма, запросивъ за нихъ сперва 10 тысячъ ф. ст. или 250 тысячъ франковъ. Понятно, что Шредеръ захотѣлъ не только провѣрить, подлинныя ли письма Императора Александра находились въ ящикѣ, но и всѣ ли письма, поименованныя въ списокѣ, были въ цѣлости.

Надобно думать, что Императоръ очень дорожилъ этими письмами, если онъ согласился заплатить за нихъ такую крупную сумму.

„Шредеръ провѣрялъ содержимое всѣхъ пачекъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, при чемъ тщательно свѣрялъ подлинники съ черновиками. Тутъ было два письма Императора Павла I къ первому консулу, шестнадцать писемъ Императора Александра къ нему же за 1801—1803 гг., четыре въ высшей степени важныхъ письма 1805 года и двѣнадцать писемъ, писанныхъ въ 1808—1812 г.

„По мнѣнію Шредера, особеннаго вниманія заслуживали три письма отъ 1 марта 1805 г., отъ 13 августа 1808 г. и отъ 15 февраля 1809 г.; „въ нихъ говорилось о непріязненныхъ планахъ относительно державъ, которыя въ 1820 г. уже были въ союзѣ съ Россіей: Поццо-ди-Борго придавалъ, вполнѣ справедливо, особенное значеніе письмамъ 1805 года. Одно изъ нихъ, датированное изъ Ольмюца 15 (27) ноября 1805 г., заключало всего нѣсколько любезныхъ словъ въ отвѣтъ на письмо, привезенное отъ Наполеона генераломъ Савари; затѣмъ было письмо фельдмаршала Кутузова къ маршалу Даву и писанная карандашемъ записка Марфельда и, наконецъ, собственноручная, писанная карандашемъ записка Императора Александра съ его подписью, которую должны были передать маршалу Даву. По утвержденію Поццо-ди-Борго, въ этихъ трехъ запискахъ „говорилось о положеніи, въ какомъ находилась русская главная квартира послѣ Аустерлицкой битвы“, а именно, въ нихъ объяснялось, какимъ образомъ Императору Александру, сославшись на яко бы заключенное перемиріе, которое, какъ ему было безъизвѣстно, на самомъ дѣлѣ заключено не было, удалось избѣжать катастрофы—быть взятымъ въ плѣнъ маршаламъ Даву. Честь Императора требовала, чтобы эти письма не были извѣстны, чтобы они исчезли; слѣдовательно, коль скоро они находились въ связкѣ, которую предлагали продать Жомини, никакихъ колебаній относительно ихъ пріобрѣтенія не могло быть.

„Письма были куплены, и только позднѣе возникло опасеніе, что продавцы сохранили съ нихъ копіи, но этого, какъ видно, не случилось.

Какимъ образомъ это письмо попало въ руки Митчеля и Лен-

горна, остается невыясненнымъ, „но во всякомъ случаѣ,—говорить Фр. Массонъ,—удивительно, что Юсифъ Бонапартъ не могъ дать на этотъ счетъ никакихъ указаній“. „Поццо-ди-Борго высказывалъ предположеніе, что Юсифъ Бонапартъ оставилъ эти письма Лэну въ уплату за долги“. „Конечно,—прибавляетъ Массонъ,—грустно допустить, что онъ сдѣлалъ изъ такихъ важныхъ документовъ предметъ столь недостойной спекуляціи“.

„Что касается остальныхъ писемъ, которыми такъ дорожилъ Наполеонъ, и которымъ придавали большое значеніе и союзные монархи, коль скоро одинъ изъ нихъ счелъ возможнымъ затратить 175 т. фр., чтобы выкупить ихъ, то весьма вѣроятно, что и прочіе монархи тѣмъ или инымъ путемъ также вернули свои письма“.

Такова любопытная исторія писемъ, о которыхъ Наполеонъ вспоминалъ на смертномъ одрѣ и которыя О’Меара, несмотря на всѣ его старанія, не удалось разыскать; но и онъ слышалъ о томъ, что они были куплены русскимъ посланникомъ за очень крупную сумму.

Почти въ одно время съ О’Меара покинулъ свой постъ австрійскій комиссаръ баронъ Штюрмеръ, срокъ пребыванія котораго на св. Еленѣ, опредѣленный въ два года, истекъ 18 іюня 1818 г. Исправлять его должность и сноситься съ австрійскимъ министромъ было временно поручено маркизу Моншеню.

„Наполеонъ негодуетъ на то, что Австрія отозвала своего комиссара,—доносилъ Бальмень.—Онъ велѣлъ сказать мнѣ черезъ Монтолона, что онъ радуется тому, что я остаюсь при немъ, что я на этой скалѣ произвожу косвенный контроль, совершенно необходимый для его безопасности; что онъ ожидаетъ отъ великодушія нашего августѣйшаго повелителя, что никогда онъ не оставитъ несчастнаго монарха, что онъ заклинаетъ его, памятью старинной дружбы, исторгнуть его изъ этого ужаснаго мѣста изгнанія и назначить ему иное, менѣе нездоровое; что ему, рѣшающему судьбы Европы, это будетъ легко и что самое отдаленное потомство будетъ удивляться его благородному, возвышенному поступку съ человѣкомъ, который внесъ войну въ нѣдра его имперіи“.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ, гр. Бертранъ, говоря съ Бальменомъ о страданіяхъ и несчастіяхъ Бонапарта, вдругъ сказалъ:

„Императоръ, удрученный горемъ, подверженный на этой скалѣ безчеловѣчному обращенію, всѣми оставленный, хочетъ написать Императору Александру, единственному своему заступнику. Возьмитесь доставить его письмо, умоляю васъ объ этомъ“, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы вынуть письмо изъ кармана.

„Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—это мнѣ невозможно. Это значило бы нарушать мои обязанности.“

„Нисколько,—возразилъ онъ,—ибо императоръ Наполеонъ рассказываетъ Императору Александру важныя тайны. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы защитить великаго человѣка, подвергающагося притѣсненіямъ, но и о томъ, чтобы сослужить службу Россіи. Тамъ это письмо прочтутъ съ удовольствіемъ, съ жадностью, имъ будутъ восхищены. Не послать его вашему Двору значило бы пренебречь его интересами, упустить ихъ изъ виду или, точнѣе, пожертвовать ими англичанамъ. Сверхъ того, замѣчу вамъ, что вы въ немъ описаны способомъ, который подвинетъ васъ впередъ“.

„Обѣщаю вамъ,—отвѣчалъ Бальмень,—въ точности передать моему Двору то, что вы сообщите мнѣ изустно, но не могу взять на себя доставленіе писемъ. Я не имѣю на то права, и если бы я это сдѣлалъ, отъ меня бы отреклись“.

„Ба!—воскликнулъ онъ,—отъ васъ отрекутся на св. Еленѣ для формы, а въ Россіи васъ наградятъ. Я въ этомъ убѣжденъ, подумайте объ этомъ хорошенько“.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, со стороны Наполеона была сдѣлана еще разъ попытка обратиться, при посредствѣ Бальмена, къ Императору Александру.

На этихъ дняхъ, доносилъ русскій комиссаръ 14 августа 1818 г., гр. Монтолонъ со всевозможною настоятельностью просилъ меня о томъ, чтобы я взялся доставить письмо отъ Наполеона къ нашему Августѣйшему Повелителю.

„Ваша должность,—сказалъ онъ мнѣ,—прямо васъ къ тому обязываетъ, и вы къ тому же найдете въ этомъ вашу выгоду“. Я не отвѣчалъ ни слова.

„Баронъ Штюрмеръ,—продолжалъ онъ,—велъ себя дурно относительно Лонгвуда. Будучи комиссаромъ родственной державы, онъ могъ бы играть относительно насъ прекрасную роль. У него просили только извѣстій о Маріи-Луизѣ, и онъ отказалъ въ этомъ. Онъ уѣхалъ безъ денегъ. Императоръ желалъ дать ему въ займы сто тысячъ франковъ или передать ему историческія записки, которыя онъ продалъ бы за 6 или 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но онъ оказывалъ намъ мало довѣрія и тѣмъ сильно повредилъ самому себѣ“.

„Легко угадать, что хотѣлъ мнѣ дать понять Монтолонъ, говоря о баронѣ Штюрмерѣ“.

„Предоставляя—прибавилъ онъ,—путешественникамъ, купцамъ, капитанамъ купеческихъ кораблей выручку съ нашихъ писаній, мы передаемъ ихъ въ Европу и тамъ печатаемъ... и у насъ теперь

есть драгоценная рукопись, которую желательно издать. Она вполне къ вашимъ услугамъ“.

„Я увѣрилъ его шутя, что, если бы у меня были въ рукахъ писанія Наполеона, я тотчасъ же послалъ бы ихъ Императору Александру“.

Гудсонъ-Лоу былъ весьма недоволенъ сношеніями русскаго комиссара съ приближенными Наполеона, и желая отвлечь его отъ посѣщенія Лонгвуда, „старался доказать ему, что онъ былъ главный двигатель всего, что тамъ дѣлалось“.

— Бонапартъ полагаетъ, говорилъ онъ, что его поддерживаетъ и защищаетъ русскій комиссаръ. Это дѣлаетъ его капризнымъ и несговорчивымъ.

Не успѣвъ разубѣдить его въ этомъ, Бальменъ рѣшилъ прекратить свиданія съ французами, и „въ теченіе цѣлаго мѣсяца не видалъ ни одного изъ нихъ, даже издали, и не имѣлъ никакихъ извѣстій объ узникѣ Европы“; но оказалось, что „никогда въ Лонгвудѣ не было столько раздоровъ, интригъ и шуму, какъ за это время“.

„Наполеонъ, давъ обѣщаніе переселиться въ новый домъ, который для него строили, какъ только ему будутъ доставлены отъ него ключи, вдругъ объявилъ, что онъ не удобенъ, дурно расположенъ, что въ немъ жить нельзя. Онъ самымъ повелительнымъ тономъ потребовалъ, чтобы ему былъ возвращенъ прибывшій на св. Елену фамиліный портретъ, перехваченный властями, протестовалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ перехвата писемъ Балькомба и т. п.“

„Онъ не принималъ, съ самаго отъѣзда О'Меара, лѣкарствъ и не допускалъ къ себѣ доктора Верлинга, присланнаго къ нему губернаторомъ, говоря, что „только сумасшедшій возьметъ себѣ медика изъ рукъ врага“, требовалъ, чтобы для него и для французовъ былъ присланъ изъ Англій новый врачъ, который лѣчилъ бы только ихъ однихъ, но когда, въ ночь съ 16 на 17 января 1819 г., онъ почувствовалъ себя очень худо (у него сдѣлалась сильная головная боль и головокруженіе), то велѣлъ позвать Стоко, доктора адмиральскаго корабля, который предписалъ ему кровопусканіе, теплую ванну и пріемъ Чельтенгеймской соли. Почувствовавъ облегченіе, Наполеонъ возымѣлъ къ Стоко такое довѣріе, что непременно захотѣлъ, чтобы онъ былъ къ нему приставленъ въ качествѣ его личнаго доктора, но адмиралъ на это не согласился и, чтобы прекратить всякіе споры, отправилъ Стоко въ Англію.“

Прежде чѣмъ сѣсть на судно, докторъ Стоко повидался съ русскимъ комиссаромъ и на его разспросы о здоровьи Наполеона сообщилъ, что „находитъ его больнымъ тѣломъ и духомъ, что видъ

у него разстроенный, желудокъ очень слабъ, нервы чрезвычайно раздражены, онъ страдаетъ меланхоліею, и тоска убьетъ его. Онъ присовокупилъ, что въ ночь съ 16 на 17 Наполеонъ едва не умеръ отъ прилива крови къ головѣ, весьма похожаго на кровавой ударъ, и что, кромѣ того, у него весьма сильныя завалы въ печени.

— Убѣждены ли вы въ этомъ? спросилъ его Бальмень, не обманули ли васъ? Изслѣдовали ли вы его основательно?

На этотъ вопросъ докторъ Стоко отвѣчалъ: „ничто не можетъ быть несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, но губернаторъ лишь тогда повѣритъ страданіямъ знаменитаго больного, „the illustrious patient“ — такъ называлъ докторъ Наполеона — когда увидитъ его мертваго въ постели, что и можетъ случиться со дня на день“.

Англичане не вѣрили О'Меара, они не повѣрили и словамъ доктора Стоко, который былъ рекомендованъ французамъ О'Меарой и былъ съ нимъ друженъ, они увѣрили Бальмена, что 18 числа, на другой день послѣ того, какъ Наполеонъ былъ „будто бы“ при смерти, онъ прогуливался вокругъ новаго своего дома въ фланелевомъ халатѣ, съ пунцовымъ тюрбаномъ на головѣ, опираясь лѣвой рукою на билліардный кій и держа въ другой подозрную трубку, и будто ординарецъ слышалъ, какъ онъ пѣлъ въ своей комнатѣ „Fra Martino“. Изъ этого англичане заключали, что онъ былъ совершенно здоровъ и что Стоко былъ обманщикъ.

Но доктора были правы, Наполеонъ былъ тяжело и неизлѣчимо боленъ; его болѣзненные припадки учащались, а тяжелое нравственное состояніе еще усилилось съ отъѣздомъ О'Меара, въ которомъ онъ потерялъ не только врача, къ которому онъ питалъ довѣріе, но и пріятнаго собесѣдника. Въ душѣ Наполеона еще теплился въ то время лучъ надежды на то, что его положеніе можетъ улучшиться, что, быть можетъ, его переведутъ въ другое, болѣе здоровое и не столь унылое мѣсто и когда, въ началѣ 1819 года союзные монархи съѣхались на конгрессъ въ Ахенъ, Наполеонъ „съ нетерпѣніемъ ожидалъ газетъ, надѣясь, что монархи, въ особенности Императоръ Александръ, примутъ его сторону противъ губернатора св. Елены“. Но онъ былъ сильно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, ибо „Morning Chronicle“, самый ревностный его защитникъ, почти ничего не говорилъ объ немъ, „Courrier“ осыпалъ его упреками и бранью, „Obsever“ положительно говорилъ, что Александръ предоставилъ его его судьбѣ“.

Узнавъ объ Ахенскомъ протоколѣ, французы были въ отчаяніи и безпрестанно повторяли: „Императора Александра обманули живыми донесеніями, подложными письмами и документами, чтобы

имѣть предлогъ лишить насъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ міромъ. Англичане, пользуясь апатіей и невниманіемъ комиссаровъ, навязали союзнымъ государямъ все, что хотѣли, все, что могло оправдать ихъ варварскій преступный образъ дѣйствій“.

Въ исходѣ сентября 1819 г., на св. Елену прибылъ Антомархи—новый врачъ, посланный Наполеону, и два священника. Вмѣсто знающаго, опытнаго врача, ему послали невѣжественнаго корсиканца и вмѣсто француза священника, о которомъ онъ просилъ—былъ присланъ другой корсиканецъ, 65-лѣтній старецъ Бонавита, дважды разбитый параличемъ, который временами не владѣлъ языкомъ. Въ виду немощности этого Бонавита, ему былъ данъ въ помощники другой священникъ, также корсиканецъ, Виньоль, очень молодой и никѣмъ не рекомендованный. Наполеонъ, въ то время уже совсѣмъ больной, сразу оцѣнилъ и врача и священника: они не могли ничѣмъ быть ему полезны. Онъ съ трудомъ переносилъ Антомархи, но былъ вынужденъ обращаться къ его помощи, такъ какъ его здоровье быстро разрушалось; весь 1820 годъ былъ для Наполеона томительной, тяжелой борьбой съ быстро развивавшимся недугомъ; наконецъ, въ началѣ 1821 года, больной рѣшился на шагъ, который при его огромномъ самолюбіи былъ для него очень труденъ, и это показываетъ, насколько онъ тяготился своей обстановкой. Онъ приказалъ написать губернатору, прося дать ему сотоварища, врача и священника. Изъ лицъ, съ которыми онъ желалъ раздѣлить свое одиночество, Наполеонъ называлъ герцоговъ Виченскаго и Ровиго, графовъ Сегюра, Монтестье, Друо, Дарю, Тюрена или Арно. Никто изъ нихъ не пожелалъ отправиться на островъ, — да они и не застали бы его уже въ живыхъ; роковая развязка была близка.

За мѣсяць до кончины Наполеона, 6 апрѣля 1821 г., въ виду его жестокихъ страданій, маршалъ Бертранъ рѣшился пригласить доктора Арнотта, единственнаго врача, пользовавшагося на островѣ хорошей репутаціей. Осмотрѣвъ больного, онъ высказалъ мнѣніе, что „генераль Бонапартъ не боленъ никакой серьезной болѣзнію и что его недомоганіе скорѣе моральнаго свойства“. На вопросъ Бертрана онъ отвѣчалъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности.

За три дня до кончины Наполеона, 2 мая, комиссаръ французскаго короля, маркизь Моншеню, замѣнявшій также уѣхавшаго Штюрмера, писалъ князю Меттерниху:

„Я имѣлъ честь сообщить вашей свѣтлости, въ моей послѣдней депешѣ, что Наполеонъ снова заговорилъ о своей болѣзни.

„Такъ какъ мы уже пять лѣтъ привыкли къ этимъ мнимымъ болѣзнямъ, которыя появляются всякій разъ, какъ онъ задумываетъ

какой-нибудь новый планъ—для насъ это означаетъ: будемъ насторожѣ“.

Такимъ образомъ до послѣдней минуты болѣзни Наполеона не вѣрили; чтобы доказать, что онъ дѣйствительно былъ боленъ, у него оставалось одно средство: умереть.

И онъ скончался 5 мая. Вскрытіе его трупа показало, насколько его жалобы были неpritворны: у него былъ обнаруженъ ракъ, и при этой ужасной болѣзни онъ былъ послѣдніе два года почти безъ врача и безъ всякой помощи.

В. Тимошукъ.

